

Спор поколений

«Зеленое кольцо» З. Гиппиус вызывает невольные исторические воспоминания о споре поколений. Не удаляясь в глубь веков,— вспоминается и Чацкий, и Базаров, и Волохов и формула самого Гончарова, высказанная по поводу «Горе от ума», — та формула, в которую верили и верят с тех пор, как стали говорить о «прогрессе», о «поступательном движении вперед» и т. п. Этот спор будто бы так же вечен, как законы природы: молодые не могут не отрицать старых, старые не могут сопротивляться этому отрицанию. Верованье в совершающийся прогресс, таким образом, украсилось очень скоро догматом о неизбежной на этом пути борьбе отцов и детей.

Не знаю, совершается ли прогресс в том понимании, как в него принято верить, — но не буду сейчас спорить об этом. Предположим, что — да. Но «прогресс» — так вообще какое-то движение. Движение предполагает ли непременно борьбу, тоже не знаю. Предположим, что тоже — да. Душа движения вообще по природе своей — порывистая, стремительная. Но почему этот ее порыв, и — даже стремительность должны всегда выражаться в схеме: старческая неподвижность, с одной стороны, и юношеский бунт — с другой. Или это физиология? У стариков застаивается кровь и твердеют кости — у молодых кровь бурлит и кости гибкие.

Если бы это было так, то борьба отцов и детей правильно и разделяла бы людей, действительно, сообразно их возрасту. Однако, Молчалин не старше Чацкого, Базаров одного возраста с Аркадием Кирсановым, но Аркадий — по существу принадлежит к отцам, а не к детям.

Разделения совершаются в действительности не в соответствии с возрастами, а в соответствии со вкусом к движению и со вкусом к неподвижности — во-первых, во-вторых — в зависимости от тяги в «любовь великую» — т. е. к людям или в любовь малую, т. е. к самому себе. Потому что вкус к движению может соединяться с любовью малой, а вкус к неподвижности — с любовью великой. Итак, вопрос осложняется, как бы мы ни хотели его упростить.

И кроме того — есть еще то, что именуется «обстоятельствами». Сообразно одним, — вкус к движению может оказаться реакцией, и обратно — вкус к неподвижности может быть развит, и даже искусственно — из страха перед реакцией — как раз в виду тех или других «обстоятельств», и служит не только «прогрессу», но и самой революции.

Русское общество в течение последнего века жило, с одной стороны, очень напряженной, а с другой — еще очень упрощенной жизнью. Напряженной — в инстинктах веры, и упрощенной — в сознании. Поэтому в нем и могла сложиться такая слишком подозрительно ясная «социология», сведенная к какому-то роковому закону необходимого столкновения — глупых, в своем консерватизме, родителей и вообще старших — и умных, неистовых в своем, рвении к прогрессу, детей.

Чем сложнее становилась жизнь, тем негоднее оказывалась такая «социология». Гончаров, автор наиболее прозрачной и распространенной из

ее формул, сам же запутался в конце концов между бабушкой и Верой, Верой и Райским, Райским и Волоховым Волоховым и Тушиным, и даже Верой и Марфинькой. Кто молодой, кто старый? и не моложе ли старые новых и новые не старее ли старых?

Последнее десятилетие — на наших глазах — дало молодую реакцию, — в далькрозистах, акмеистах, аполонистах, тангистах и пр. и пр. Ту кривляющуюся, едва лепечущую человеческие слова, коснеющую во всех кабачках и «миниатюрах» — душу реакции, которую я отметил года два тому. С тех пор ее кривления продолжались и ширились, пока война не взмыла ее, как мелкую зыбь остынувшей бури и не бросила туда, куда опять властительно позвала Россия. Там они опомнятся и очистятся, там найдут снова — подобие Божие...

Но кто называл их жалкую, неподвижно-подвижную скуку — реакцией? кто назвал их мертвыми, а не живыми? Тот, кто по отношению к ним — поколением старше. Где же неподвижность? и где душа движения?

З. Гиппиус, написала пьесу в похвалу молодых. Это и есть «зеленое кольцо» — молодые. Новая трава, новое поколение. Оно чувствует себя бунтовски, оно бросает вызов старым. Особенный, не похожий на прежние. Они не поворачиваются спиной и не высмеивают, как Чацкие и Базаровы. Они смотрят утилитарно. «Дядя Мика» лучший из «старых» — для них книга, и даже не книга, а «переплет» — хороший, «кожаный». Дядя Мика «потерял вкус к жизни», по он им нужен, как справочник, когда «зеленое кольцо» собирается в его комнате, около его дивана, на котором он сидит, поджав ноги и старчески кутаясь в плед — и сам, «не имея вкуса» вмешиваться и задавать вопросы, только дает справки и отвечает на вопросы, он нужен еще, как провожатый, когда одну из девочек приходится отвезти на извозчике домой и, наконец, он оказывается незаменимо нужен, когда по решению кружка одну из девочек можно вывести из той семейной путаницы, в которую она попала (мама разошлась с папой и сошлась с другим, папа раскис и сошелся тоже с другой) — женившись на несчастной девочке фиктивно. Так решило «зеленое кольцо», — «кожаный переплет» помялся, но сразу же и согласился.

Я не критикую пьесы, ее художественных свойств и приемов. Есть прелест душевной свежести в том, что писательница, уже сомкнувшая круг своего развития, представительница поколения уже уходящего, приветствует молодость, не боясь ее, сама отдаваясь ей. Но я думал при исполнении пьесы не о таланте писательницы, и не о самой пьесе, — а только о споре поколений, о правде и неправде его, — о том: правда ли, что душа реакции овладела не всеми молодыми — и правы ли те новые, которых благословляет З. Гиппиус — в их отношении к старым?

Нельзя не верить, что они есть, что они не выдуманы — те молодые, о которых говорит писательница. Я видел их — я слишком хорошо их знаю. Но старые они или новые? Живые или мертвые? Я знаю их, — но знаю и других — уже идущих, действительно живых, тех, которые никогда не бросят старым такого утилитарного вызова: «вы нам нужны, чтобы было от чего оттолкнуться, если прыгать». Эта другие, скорее, станут в откровенную

вражду, чем соединят свой утилитаризм «с милосердием», как рекомендуют заправила «зеленого кольца». И я хотел бы знать, принимает ли сема З. Гиппиус вызов своего «зеленого кольца» или не принимает? Считает ли правым их утилитарное отношение к самой себе?

Времена изменились — совершается ли «прогресс» или что-нибудь иное, безразлично. К тому поколению, к которому принадлежит З. Гиппиус, уже нельзя простодушно поворачиваться спиной, как к Фамусовской или Обломовской старине; к нему приходится волей-неволей отнестись хоть «с милосердием». И правы ли «старые», соглашаясь оценивать себя — дядями Миками?

Быть справочниками, провожатыми и фиктивными мужьями? Или в этом браке «старого» дядя Мики с «новой» Фимочкой писательница имела в виду такой тесный союз отцов и детей, что их отношения могут быть символизированы лишь браком?

И что же это за брак, где женятся те, самое почетное имя которых «кожаный переплет»? Что это за новые люди, которые не стесняются вступать в брак, или союз — все равно, с теми, к кому они относятся лишь как к средству для достижения цели?

Кажется, деды (Базаровы), да и прадеды (Чацкие) поступали достойнее, когда откровенно поворачивались к старым спиной и, если вступали в фиктивные браки, то друг с другом, а не с теми, кого они принимают — в лучшем случае, только «с милосердием».

Не знаю уж, к старым, или к новым отнесет меня «зеленое кольцо», но дядя Мика, по-моему, напрасно подчинился решению «новых». Если бы их предложение его возмутило; я признал бы в этом возмущении — правду. Не старую, и не новую, — а ту, которая — во веки веков и которую постоянно забывают. Она не подвластна спору поколений, она неизменно одна и та же.

Если З. Гиппиус тоже так верит, то в своей пьесе она этого не высказала, И я думаю — потому, что подчинилась той русской «социологической» формуле, которую давно пора забыть всем, идущим к правде последней, непрекаемой. Под влиянием этой формулы, ищущий в жизни общественной во что бы ни стало «споря поколений», писательница и приняла за «новых» — «старых», хотя и юных годами. И под влиянием той же формулы уничижила свое собственно поколение до «дяди Мики».

Те — «другие», воистину новые, наверное, сразу поймут, что речь идет не об них. Они себя в «зеленом кольце» не признают. И для меня — в этом их непризнании залог их силы.

Владимир Гиппиус.